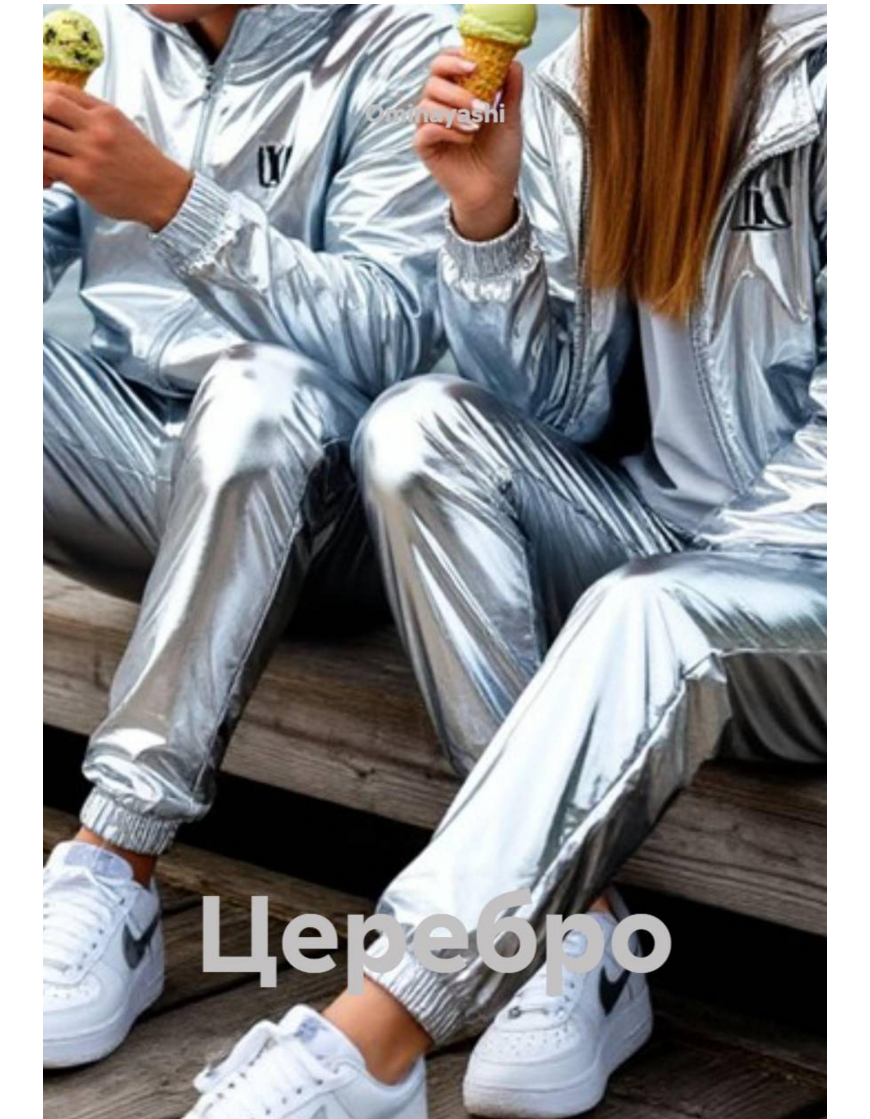

A photograph of two individuals sitting on wooden steps, wearing highly reflective, metallic silver tracksuits. They are both holding and eating ice cream cones with light green or pistachio-colored ice cream. The person on the left is wearing white sneakers with a dark swoosh, while the person on the right is wearing white sneakers with a dark swoosh. The tracksuits have a shiny, crinkled texture. A watermark "Ominayashi" is visible in the upper center of the image.

Ominayashi

Церебро

Ominayashi Ominayashi

Церебро

<https://litres.ru/74514828>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Церебро» — криминально-романтическая повесть, действие которой разворачивается в штате Лос-Сантос, где коррупция пронизывает всё: от портов до полицейских участков.

Полицейская Наоми Кинкейд, уставшая молчать о бесчинствах губернатора Торнбери и его людей, случайно знакомится в DMV с механиком Рэем Моралесом — человеком, который чинит всё, что сломано, и видит в коррупционной системе то же, что в двигателе: каждую деталь, каждый изъян. Вместе они создают «Церебро» — маленькую группу из врача, журналистки и отставного финансиста, которая тихо собирает доказательства и передаёт их в ФБР.

Но настоящая история — не о борьбе с системой, а о двух людях, которые нашли друг друга, когда мир вокруг был «кактусом у порога»: колючим, бесполезным, но своим. Повесть заканчивается свадьбой в мастерской, переездом в Сан-Фьерно и двумя детьми — то есть ничем не заканчивается, а начинается.

Ominayashi

Церебро

Церебро, или Повесть о том, что иногда случается, когда не ждёшь

Глава первая. В котором полицейская Наоми Кинкейд в очередной раз задаётся вопросом, зачем она вообще встала сегодня утром

Бывает такое утро, когда ты просыпаешься и сразу понимаешь: мир не просто не любит тебя, он тебя терпит из вежливости, и то — потому что у мира нет выбора. Утро в Лос-Сантосе было именно таким.

Солнце вставало над городом, как некто, кому слишком жарко, но кто не может снять пальто. Оно висело над крышами и стеклянными башнями, багровое и ленивое, словно его только что вытащили из микроволновки, и оно ещё не поняло, что произошло. Воздух над равниной, на которой раскинулся город, дрожал, как желе на блюде, которое несёт через комнату человек, не вполне уверенный в своей координатии. Где-то на востоке, за холмами, похожими на спящих котиков, небо ещё хранило бледно-кофейный цвет — тот самый, который бывает, когда ты наливаешь в чашку слишком много молока. А здесь, на западной стороне, где пляжи тянулись вдоль океана, как бахрома на старом шарфе, уже горели

ло: золотом, медью, чем-то между персиком и возмущением.

Наоми стояла у окна своего маленького дома на Винтон-авеню — «маленького», разумеется, в том смысле, в каком маленьким может быть дом в городе, где недвижимость стоит столько, что даже уличные голуби выглядят финансово подкованнее среднестатистического жильца. Дом был одноэтажный, с плоской крышей и кактусом у порога, и Наоми любила его именно за это — за кактус, который рос, никого не спрашивая, и за плоскую крышу, на которую забиралась по ночам, чтобы смотреть на звёзды, которых почти не было видно из-за светового загрязнения. «Световое загрязнение», говорила она себе, — звучит так, будто город испражняется светом. Что, в общем, недалеко от истины.

Она была полицейским. Нет, не так. Она была полицейским так, как человек бывает дырявым зонтом: делаешь своё дело, но внутри что-то постоянно подтекает. Наоми носила форму — синюю, с серебряной нашивкой LSPD на плече, — и каждый раз, когда надевала её, чувствовала, как будто кто-то наливает ей на плечи ведро прохладной воды. Не неприятно, но и не то, о чём мечтаешь. Она вступила в полицию, потому что верила, что закон — это не про власть, а про защиту. Что закон — это кактус у порога: стоит, колется, но защищает то, что внутри. За три года службы она поняла, что кактус, возможно, пластиковый, а внутри дома — давно пусто.

Начальник её участка, капитан Дрейпер, был человек, по-

хожий на булку: пухлый, бледный и совершенно без корочки. Он каждое утро ел пончик, запивал его кофе с шестью ложками сахара и говорил вещи вроде: «Кинкейд, ты слишком много думаешь. В полиции думать вредно — от этого начинается изжога». Наоми молча кивала и думала ещё больше.

В то утро, о котором идёт речь, она должна была дежурить в офисе Департамента транспортных средств — сером, казённом здании на Сэнди-Шорс, похожем на коробку из-под обуви, в которую забыли положить обувь. Это было самое скучное задание в мире — стоять у стены и следить, чтобы никто не подрался из-за талончика в очереди. Капитан Дрейпер отправил её туда со словами: «Нужен офицер присутствия. Это значит — стой и будь. Как кактус».

Наоми не стала спорить. Спорить с Дрейпером было всё равно что спорить с погодой — бесполезно и слегка унизительно.

Глава вторая. В которой механик Рэй Моралес приходит за правами и находит кое-что, чего в перечне услуг не значилось

Рэй Моралес проснулся в своей мастерской в Палето-Бэй, на северном берегу штата, где океан пах не кокосами и кремом для загара, а рыбой, йодом и чем-то железным, словно природа сама была немного механиком. Он спал на старом диване, который он притащил из гаража, где диван прослужил пятнадцать лет, после чего был торжественно уволен на

покой — но Рэй дал ему вторую карьеру, просто потому что не любил выбрасывать вещи, в которых ещё оставалось хоть что-то живое.

Мастерская его называлась «Рэй'с Гараж», и над входом висела вывеска, которую он сам нарисовал баллончиком: синяя буква «R» внутри шестерёнки, и ниже — «Починим всё, что катится, и кое-что, что нет». Это было правдой. Рэй чинил автомобили, мотоциклы, газонокосилки, однажды — детскую коляску с электронным управлением, и даже — один раз — кофемашину, которая, по его мнению, была устроена сложнее, чем двигатель V8. «В кофемашине, — говорил он, — всё спрятано. В двигателе — всё на виду. Я больше доверяю тому, что на виду».

Рэй был высокий, с тёмными волосами, которые он стриг сам, отчего они всегда выглядели так, будто постриглись без его участия, и руками, которые не знали, что такое чистый маникюр. На левой руке, на тыльной стороне, у него была татуировка — что-то вроде переплетённых шестерёнок и колосьев, и он говорил, что это «жизнь и механизмы, растущие друг из друга», но на самом деле он сделал её в восемнадцать лет, будучи пьяным, и уже не помнил, что хотел сказать.

Ему было двадцать восемь. Он был из тех людей, которым двадцать восемь подходит так, как ключ подходит к замку: не идеально, но достаточно, чтобы повернуть. У него была машина — старый «Импала» 1967 года, которую он собрал из трёх других, и которая ехала с тем благородным рычани-

ем, с каким лев смотрит на газель — не торопясь, но с полным осознанием своей правоты.

В то утро он проснулся и понял, что его водительские права истекли вчера. Не то чтобы он не знал — он знал. Он просто... откладывал. Рэй откладывал всё, что не было связано с машинами, примерно так, как человек откладывает визит к стоматологу: знаешь, что надо, но ждёшь, пока заболит сильнее.

«Ладно, — сказал он своему коту, белому, с чёрным пятном на ухе, которого звал Гаечный Ключ, — поеду».

Гаечный Ключ посмотрел на него с тем выражением, которое бывает у котов, когда они точно знают, что ты делаешь глупость, но слишком устали, чтобы останавливать.

Дорога от Палето-Бэй до Сэнди-Шорс шла вдоль океана, и Рэй ехал по ней с открытым окном, и ветер — солёный, тёплый, с лёгкой примесью бензина и полевых цветов — трепал ему волосы и создавал ощущение, что всё в мире может быть не так уж плохо. По обе стороны дороги расстилались поля: жёлтые, выжженные солнцем, с одинокими деревьями, похожими на людей, которые остановились посреди дороги и забыли, куда шли. Далеко на горизонте поднималась гора — Маунт-Чилиад, огромная, синяя, с шапкой тумана, как старик в ночном колпаке. Рэй подумал, что гора, наверное, мудрее всех в этом штате, потому что стоит на одном месте миллионы лет и ни во что не вмешивается.

«Вот бы и мне так, — подумал он. — Но кто-то же должен

чинить машины».

Он припарковал «Импалу» у серого здания DMV, заглушил двигатель, который последний раз рыкнул, словно недовольный, что его разбудили ради такой ерунды, и пошёл внутрь.

Глава третья. В которой происходит встреча, и все знают, что встречи не бывают случайными, хотя упорно делают вид, что не знают

Внутри DMV было так, как бывает внутри любого государственного учреждения в мире: флуоресцентные лампы, гудящие с той назойливой тонкостью, которая способна довести до бешенства даже святого; очередь, похожая на змею, которая сама не знает, куда ползёт; и запах — запах бумажной пыли, старого линолеума и чьей-то надежды, которая медленно умирает у окошка номер три.

Наоми стояла у стены, скрестив руки, и смотрела на очередь с тем отстранённым вниманием, с каким кошка смотрит на аквариум: интересно, но трогать неохота. Она уже успела выпить два стакана кофе из автомата, который стоял в углу и делал напиток, похожий на кофе лишь по температуре, и теперь ей было скучно и немного тошно.

Дверь открылась. Это было заурядное событие — дверь открывалась каждые тридцать секунд, и каждый раз в неё входил очередной человек с выражением лица, как у пациента, который ждёт очередь к зубному. Но в этот раз Наоми

подняла глаза, и что-то внутри неё — что-то маленькое, тёплое и совершенно не подчинённое уставу — шевельнулось.

Он был высокий, в белой футболке с мазутными пятнами, джинсах, которые знали лучшие дни, и ботинках, которые знали ещё более лучшие дни. Волосы у него были растрёпаны, и на одной брови висела капля пота, которая, по всей видимости, доехала сюда вместе с ним. Он посмотрел на очередь, потом на стену, потом на Наоми — и замер.

Вот что я вам скажу: бывает момент, когда два человека смотрят друг на друга, и время делает то, что в приличном обществе не делает: останавливается и пялится. Вот такой это был момент. Секунда, две, три — достаточно, чтобы флуоресцентная лампа над ними мигнула, как будто и она заметила, и недостаточно, чтобы кто-то в очереди заподозрил что-то неладное.

— Очередь на права — куда? — спросил он.

— Окошко четыре, — ответила Наоми. И добавила, чуть тише, чем следовало бы: — Только там сейчас перерыв.

— Конечно, — сказал он. — Конечно, перерыв. Это же DMV. Здесь перерыв — это образ жизни.

Наоми фыркнула. Не засмеялась — фыркнула, как лошадь, которую щекочет муха. Но глаза у неё блеснули, и он это видел, и она видела, что он видит, и оба они видели, что видят, и ни один не знал, что с этим делать.

— Рэй, — сказал он и протянул руку. Рука была тёплая, шершавая, с мозолями, которые рассказывали историю о га-

ечных ключах и горячих двигателях, — историю, которую можно читать, как геолог читает слои породы.

— Наоми, — сказала она и пожала руку. Её ладонь была маленькая и прохладная, и на долю секунды ему показалось, что он держит в руке что-то живое и хрупкое, что нужно осторожно отпустить, чтобы не повредить.

— Вы тут стоите, — сказал он, — как статуя Свободы, только с кофе.

— Это не кофе, — сказала Наоми. — Это наказание за грехи прошлой жизни.

Он засмеялся. Тихо, как будто проверяя, разрешено ли. Разрешили.

Глава четвёртая. В которой мы говорим о губернаторе, и становится понятно, почему в этом штате всё не так, как должно быть

Чтобы понять, что произошло потом, нужно рассказать о губернаторе.

Губернатора звали Ричард «Дик» Торнбери. Он был из тех политиков, которые улыбаются так широко, что хочется проверить, нет ли за улыбкой чего-то, что кусается. У него были серебристые волосы, загар, который он поддерживал в солярии, установленном в его кабинете (где ещё вы видели солярий в кабинете губернатора?), и голос — бархатный, ласкающий, как шёлковый шарф на шее, который, как вы потом понимаете, затягивается.

Торнбери правил Лос-Сантосом уже второй срок. Первый срок он провёл, разворачивая осторожно, как мышшь, которая таскает крошки по одной, чтобы никто не заметил. Второй срок он провёл, разворачивая с размахом, как медведь, который нашёл пасеку и понял, что времени мало. Его команда — а у него была команда, потому что в одиночку воровать так же бессмысленно, как в одиночку пить — состояла из людей, которых можно было бы описать одним словом, если бы такое слово существовало в цензурном варианте. Но такого слова не существовало, поэтому их называли «администрация».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.